

ТЕМА НОМЕРА

НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.3

EDN: SMVHGS

События детства: теоретико-методологические основы социологического изучения

Ссылка для цитирования: Майорова-Щеглова С. Н., Митрофанова С. Ю. События детства: теоретико-методологические основы социологического изучения // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 1. С. 37–59. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.3; EDN: SMVHGS.

For citation: Majorova-Shcheglova S. N., Mitrofanova S. Yu. Childhood events: theoretical and methodological foundations for a sociological study. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No 1. P. 37–59. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.3; EDN: SMVHGS.

SPIN-код: 8853-6817

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна¹

¹Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

sheglova-s@yandex.ru

SPIN-код: 1803-2068

Митрофанова Светлана Юрьевна¹

¹Самарский университет им. Королева, Самара, Россия

mit_s@mail.ru

Аннотация. Обосновано выделение понятия «событие» в социологической науке, проведено его различение с иными понятиями, соотносящимися с ним, такими как социальный факт, действие, процесс, социальное время. Описана специфика события в качестве единицы анализа с позиции дисциплинарных границ философии, социальной истории, когнитивной и клинической психологии, криминологии и др.

Определены особенности теоретико-методологических подходов социологии к изучению событий детства, предложена дефиниция последних как совокупности действий социальной среды, политики взросления и инициативных эпизодов прохождения жизненного пути самим ребенком. Последовательность событий, получившая авторское наименование «событийность», важна в качестве аналитической конструкции для оценки социализационных процессов в отдельных социальных группах, а также для доказательства изменений поколений и общественных трансформаций в целом. С опорой на тезис современных теоретиков

социальной науки об операционализации как важной части теоретизирования, выделены основания для анализа события детства: уровень события, наличие целеполагания, сфера жизнедеятельности, вектор события, временной аспект, «высота отлета» и др. Приведены аргументы признать в качестве важнейших из них: степень субъектности, самостоятельности детей и наличие доказанных глубинных последствий для взрослой жизни.

На уровне социологической методологии использовано предложенное В. И. Ильиным выделение трех теоретико-методологических оснований: структуралистского, субъективистского и деятельностно-конструктивистского. Обозначены кейсы исследовательских практик с акцентом на осмысление того, на базе какой методологии, какими методами, на какой выборке и какие события детства изучаются. Для доказательности некоторых положений, развиваемых в статье, авторы обращаются к данным, посредством которых обосновывается значимость микс стратегии в исследовании событий и событийности детства. Показано, что именно совмещение структуралистского (объективистского) и субъективистского подходов следует считать приоритетным в исследовании детства, поскольку оно позволяет включить в анализ всю «палитру» многообразных устойчивых практик и зафиксировать новые явления в российском детстве.

В заключение делается вывод о том, что инструмент событий и событийности детства может стать востребованным при изучении и более глубоком понимании социальных явлений и процессов, устройстве социальной реальности, ее сегментированности и дифференцированности.

Ключевые слова: событие, детство, методология, социология детства, событийность, поколение, жизненный путь, биографический анализ, метод смешивания стратегий

Введение

Понятие «событие» еще не имеет четкой однозначной дефиниции в социологии и довольно часто при попытке определить его акцент делается на исторической коннотации. При подобной трактовке событие предстает чем-то грандиозным, разделяющим жизнь многих групп людей на «до и после», иными словами, чем-то масштабным по последствиям. Именно эти последствия, а не сами события, чаще всего и становятся предметом внимания исследователей.

Согласно иной перспективе событием может считаться любой момент, эпизод, вызвавший изменение личности, группы, общества. В этом случае фактически ставится знак равенства между социальным событием и социальным действием [32, с. 6]. Очевидно, что в социологическом дискурсе больше принято оперировать такими понятиями, как социальный факт, действие, процесс, социальное время. При таком подходе анализ событий инкорпорирован в их контекст. В. А. Ядов, рассматривая понятие социального факта в онтологическом ключе, отмечает, что «факты суть любые не зависящие от наблюдателя состояния действительности или свершившиеся события» [36, с. 43]. О. В. Головашина, обсуждая событие «в качестве онтологической категории», подчеркивает, что «социальное событие рассматривается как то, что может быть социальным действием. Любое социальное действие представляет собой социальное событие, но не

любое социальное событие может быть проанализировано как социальное действие» [9, с. 1271]. Обсуждаемым является вопрос включения самого события в социальные процессы: возможно ли трактовать процесс как нечто непрерывное, или же он представляет собой ряд с последовательностью (а значит, и с границами во времени и пространстве)? Даже социальное время некоторые исследователи предлагают рассматривать через призму событий, понимаемых их «как своеобразные закладки в процессе социальной темпоральности» [9, с. 1273]. Для социолога, однако, важно не сколько по времени продолжался, длился какой-то выделяемый период, а чем он был наполнен, насколько разнообразными и масштабными ситуациями. Таким образом, признание наличия события становится аргументом в пользу дискретности социальной реальности.

Мы исходим из того, что события детства могут выступать такой же важной единицей анализа в социологии, как и другие, упомянутые выше. Именно детство выступает сегодня своеобразным форпостом, лабораторией для апробации новых социальных явлений общества, что и определяет императив научного уточнения понятия «событие детства» и методологии его изучения в социологии [23]. Событийность вообще и событийность детства в частности входят в число понятий, которые позволяют обсуждать саму возможность общества, его организацию и социальный порядок в нем. Анализ социальной реальности через призму событий является одним из способов осмысления устройства социальной жизни. Это делает изучение событий для современных наук об обществе все более актуальным.

Цель настоящей статьи: определить возможные теоретико-методологические основы комплексного анализа событий и событийности детства в социологии. Ее достижение обеспечивается посредством решения следующих задач: 1) выявить особенности социологических теоретико-методологических подходов к изучению событий вообще и событийности детства в частности, 2) операционализировать понятие «событие детства» в зависимости от разных оснований анализа, 3) на уровне социологии установить, какие события детства какими методами и на какой выборке возможно/следует изучать. Реализация третьей задачи осуществлялась с опорой на результаты исследования по событийности детства, реализованного ИК РОС «Социология детства»¹ в 2018–2023 гг.

Теоретическая разработанность понятия «событие жизни» в рамках наук об обществе

Прежде чем перейти к теоретико-методологическому определению понятия «событие детства» в социологии, следует определить: на стыке каких наук или с позиции дисциплинарных границ какой области зна-

¹ Объект исследования – молодежь 17–23 лет из 29 регионов по всем восьми федеральным округам; выборка – неслучайная потоковая; опрошено: в 2018 г. – 774 чел., в 2023 г. – 1210 чел.; большинство опрошенных – студенты, ≈13% – учащиеся колледжей, около 7% – безработная молодежь, служащие в армии, находящиеся в декрете и пр.

ния проводится исследование. Для эмпирического изучения и создания фокусированной рамки прикладного анализа событий детства требуется сперва выделить такие события из общего потока событий жизни. Реализуя принцип междисциплинарности, рассмотрим, как сегодня принято трактовать события в рамках философии, исторической науки, когнитивной социальной психологии и социальной теории познания, клинической, кризисной психологии и других научных сфер. Это позволит лучше понять специфику именно социологической перспективы в изучении событийности детства.

В философской науке событийный анализ имеет устоявшиеся традиции и занимает важное место. Философия отвечает на вопросы, что отличает событие от не-события и каковы отличия первого от происшествия или случая (П. Рикер, М. Гефтер), рассматривает события в контексте категорий пространства и времени (М. Хайдеггер, Ж. Делез), акцентирует внимание на совместности и сопричастности бытия (М. Бахтин). События здесь интерпретируются как «эпизоды реальной жизни, выделенные из общего континуума индивидуального бытия человека и наделенные статусом источника значимых перемен в рефлексивно-смысловом пространстве жизни» [16, с. 295]. В рамках такого подхода значимыми являются проблемы определения субъекта событий и событийности детства, объяснения событий детства посредством категорий пространства и времени и др.

Событийный анализ в рамках социальной истории демонстрирует возможности использования лонгитюдных данных о наступлении тех или иных событий (например, данные об этиологии смертности, совершаемых преступлениях, военных столкновениях и многие другие [44]) для изучения специфики конкретного общества и его перспектив. Такой анализ концентрируется на хронологии событий и их роли в истории. Особый интерес у историков вызывает то, как определенные исторические события (войны, революции и другие) отражаются на повседневной жизни конкретных людей, ими обсуждается множественность событий и возможность их повторения в будущем [43]. В рамках данного подхода критическому анализу подвергается хронологическое время. По мнению Р. Васкеса, для осмысления события недостаточно современного хронологического понимания прошлого и использования теории в качестве заданной, фиксированной рамки его анализа и интерпретации. Солидаризируясь с Х. Арендт, которая подвергала критике устоявшиеся представления о времени в истории, он утверждает, что понять историческое событие означает бросить вызов хронологии, хронологическому «объективному» времени, принятому в современных формах осмысления реальности, поскольку «субъект наделен способностью разрушать континуум истории» [46, р. 55]. Ранее Х. Арендт высказала мысль, что «в осмыслении истории мы не можем заранее определить ее упорядочивающие принципы» [46, р. 47]. Р. Васкес развил ее: «История в своей насыщенности событиями – это область, где рациональные рассуждения, построенные вокруг линейных или диалектических прогрессий, оказываются непригодными для понимания» [46, р. 48]. История, основанная на рациональности и хронологии, «история,

создаваемая современностью, не смогла подойти к событию как к событию. В своем присвоении она лишает событие его событийности» [46, р. 53], т. е. опыта. В этом контексте событие также выступает тем, что удерживается опытом, в силу чего прошлое не перестает существовать, «оно сохраняется как измерение опыта» [46, р. 54]. Заданный в социальной истории ракурс позволяет осмыслить событийность детства в историко-культурной ретроспективе, понять: как менялись возрастные рамки наступления тех или иных событий в детстве, в том числе биографических (например, возраст поступления в школу), и можно ли выделить какие-то повторяющиеся события в истории детства. Анализу подвергаются воспоминания о значимых исторических событиях, которые человек переживал, будучи ребенком, и то, как он их воспринимал. Относительно каких-то негативных с точки зрения воздействия на благополучие детей событий этот ракурс помогает определить наличие рисков их наступления в будущем. Такие историко-социальные анализы затрагивают важнейшие аспекты возможности, ограничений и достоверности изучения воспоминаний людей о событиях детства [2]. В этом плане крайне интересен, например, обнаруженный Л. В. Климович при анализе архивных материалов феномен школьных сочинений на тему «Мои воспоминания с 1917 года по день поступления в гимназию», написанных детьми-эмигрантами в 1923–1925 гг. Эти сочинения содержат рассказы детей о революционных событиях 1917 г., отъезде из России, смерти родителей, эвакуации, хронологию событий и их эмоциональную оценку [17]. В итоге Климович приходит к выводу, что зафиксированные в сочинениях воспоминания «отражают не ход событий, а общее настроение в обществе, психологическую атмосферу» [17, с. 52]. Подобный анализ роли исторических событий – через призму их субъективной оценки детьми – позволяет, на наш взгляд, на более глубоком научном уровне осмыслить также обратный вектор: то, как субъективное восприятие событий, пережитых в детстве, может в дальнейшем повлиять на ход исторических событий, оказав «отложенный эффект». Говоря иными словами, исторические события не просто меняют детство конкретных людей в настоящем. Их оценка этих событий способна в дальнейшем изменить детство следующих поколений. Так, например, современные родители, не желая, чтобы у их детей было повторение детства «лихих девяностых», излишне окружают их контролем.

В когнитивной социальной психологии и теории социального познания события трактуются как изменение субъективной картины жизненного пути человека [26, с. 43] и предстают в качестве отдельных эпизодов, связанных с пониманием того, что люди думают о себе, своей личности и своих отношениях с другими. Изучение событий в рамках такого подхода направлено на выявление того, как они осмысливаются, и их последствий [45]. Применительно к событиям детства интерес тут может быть сосредоточен на схемах восприятия, запоминания и интерпретации детьми тех или иных событий их жизни [5; 7; 10].

Разделяя тезис о значимости последствий при определении событий жизни человека, Н. А. Логинова выделяет три их вида в зависимости от уровня активности субъекта. Первый – «события среды», которые «не планируются и даже не предвидятся человеком» [21, с. 52–53]. Второй – «события поведения, поступки», которые не просто «служат достижению конкретной цели, но и открывают новую жизненную перспективу» [21, с. 53–54]. Третий – «события-впечатления», которые, как и события среды, тоже просто случаются, «но активность личности здесь высока, потому что от личности зависит... пройдет ли она мимо воспринятого случайного факта, или он действительно вызовет незабываемые переживания и положит начало новой полосе жизни. От личности зависит попадание воспринятого факта как бы в резонанс с ней» [21, с. 54–55].

Клиническая, кризисная психология и психиатрия концентрируются в первую очередь на анализе различных травматических событий и последствиях влияния этих на будущую жизнь человека. Применительно к психическому здоровью взрослого признано, что последствия травматических событий, которые были пережиты «в детстве или подростковом возрасте, являются наиболее патогенными» [27, с. 71]. Среди таковых чаще всего оказываются развод родителей, смерть близких, военная ситуация, изнасилования, предательство друзей, буллинг, получение травм и приобретение инвалидности.

Криминология изучает преступления в качестве событий, которые обладают определенными чертами и сопровождаются определенными обстоятельствами (время, место, способ), т. е. неким событийным рядом [28]. Криминологическое познание события способствует оперативному выявлению преступлений, их эффективному расследованию, а также профилактике делинквентного поведения. Если же говорить о событиях детства, объектом исследования в рамках данного подхода могут стать как противоправные действия, совершаемые несовершеннолетними, так и события-триггеры будущего противоправного поведения взрослых.

Ивент-менеджмент концентрируется на управлении событиями [41]. Типичными для этой области исследований являются вопросы: создания команды по проектированию событий, маркетинга и финансирования событий, поиска спонсоров, управления рисками и их оценки в практике реализации тех или иных событий. Отметим, что речь здесь идет о событиях любого уровня, от локальных мероприятий (свадьбы, детские праздники и т. д.) до глобальных международных (саммиты, спортивные соревнования, научные конференции и пр.), которые охватывают разные сферы потребления (туризм, гостеприимство, науку и др.), но при этом рассматриваются как управляемые. Анализ локальных событий ограничен выявлением их влияния на повседневную жизнь человека. В свою очередь, события глобального уровня обсуждаются в контексте глобальной коммуникации, власти, социального контроля и социального порядка: анализируются их сила или мощь, последствия и опосредованное влияние на разные группы и категории субъектов, в том числе детей [42]. При изучении событий детства с позиций данного подхода исследовательский

интерес будет преимущественно направлен на анализ роли проектирования, планирования и организации в выстраивании событийности детства. К примеру, в последние десятилетия наблюдается рост значения детских праздников как событий детства, а также кейтеринга для их организации, происходит усиление конкуренции между организациями, занимающимися устройством детских мероприятий, и т. п.

Таким образом, анализ событий в рамках социально-гуманитарных наук встраивается в свойственное им более общее понимание социальной реальности и человека. Каждая из рассмотренных выше научных областей обладает своей спецификой, которая неизбежно проецируется на изучение событий детства и позволяет «ухватить» лишь какой-то один аспект социализации ребенка.

Осмысление понятия «событие детства» с позиции различных теоретико-методологических подходов в социологии

Потенциальный результат исследования во многом зависит от выбранной теоретико-методологической рамки анализа. Любая классификация, разумеется, условна, но необходима как аналитический инструмент. В этой связи считаем продуктивным обращение к «дисциплинарной матрице» Т. Куна как способу, позволяющему систематизировать общие исследовательские ориентации, парадигмы и теоретико-методологические подходы, в том числе в социологии. В самом общем виде можно выделить три такие парадигмы, или подхода, по-разному определяющие социальные явления и процессы. В. И. Ильин обозначил их как: 1) структуралистская, которая делает акцент на жестких структурах, предопределяющих поведение индивида, 2) субъективистская, подчеркивающая относительную свободу действующего субъекта, и 3) структуралистско-конструктивистская, или деятельностно-конструктивистская, стремящаяся интегрировать элементы первых двух [14, с. 16–19].

В рамках структуралистских теорий события, имеющие индивидуальную природу, возможно рассматривать: 1) либо в качестве социальных фактов, если использовать терминологию Э. Дюркгейма, 2) либо в контексте их функционального и дисфункционального значения для системы в целом, если брать за основу концепции Т. Парсонса и Р. Мертона. Проекция данного подхода на теорию социализации, занимающуюся проблемой «развития социальной природы человека» (Ф. Гиддингс), позволяет интерпретировать события как то, посредством чего происходит интеграция в общество и его адаптация в системе социальных отношений.

Субъективистские теории, ориентированные на микроанализ социальной реальности, предлагают иную трактовку понятия «событие». Так, в «понимающей социологии» М. Вебера, фокусирующейся на обсуждении мотивов и смыслов человеческого поведения, события трактуются как

события-поступки или события-действия. В рамках символического интеракционизма Дж. Мида и Г. Блумера событие предстает тем, чему люди придают собственные значения и смыслы, а также тем, что конструируется ими в процессе взаимодействия. В теории социального обмена Дж. Хоманса событием выступает сам акт обмена (реакциями, ценностями, ресурсами и т. д.). И. Гофман осмысляет события через призму фрейм-анализа, который служит одновременно матрицей и инструментом понимания событий повседневной жизни человека. В «этнометодологии» Г. Гарфинкеля анализ событий вписан в контекст экспериментов, связанных с нарушением типичных способов межличностного взаимодействия и позволяющих доказать наличие фоновых ожиданий.

Особый интерес представляет последний из обозначенных В. И. Ильиным подходов – структуралистско-конструктивистские теории. С точки зрения дуального понимания структуры Э. Гидденса, агенты и структуры чуть «двойственное целое», оба компонента которого связаны отношениями взаимной зависимости. Согласно этой логике события, движущей силой которых является человек, конструируют социальные изменения как в сфере повседневной жизни, так и исторический процесс в целом. В то же время сама «история есть прежде всего ... события в своей протяженности и длительности» [8, с. 24–25]. При этом социальные изменения и исторический процесс не являются преднамеренным проектом людей, поскольку зачастую условия конструирования непознаваемы, а его следствия – непреднамеренны.

М. Арчер для обозначения сложного взаимовлияния структур и действий использует понятие «морфогенез» [37]. При изучении этого взаимовлияния она предлагает руководствоваться принципом «аналитической» дуальности, согласно которому в ходе исследования нужно, с одной стороны, разделять действия и структуры, а с другой – анализировать «их взаимную игру», отношения, возникающие между ними, их смычку, или интерфейс [35, с. 271–272]. В этом случае события детства оказываются вплетены в процесс двойного морфогенеза, т. е. взаимовлияния структуры и деятельности агентов.

В теории социального становления П. Штомпки события представляют собой промежуточный уровень в сложной модели взаимовлияния структур и агентов, на котором первые в состоянии операций «встречаются» с действиями вторых [35, с. 270–271]. «Скорее агентно-структурная реальность в ее внутреннем, внутренне присущим ей единстве существует в различных перестановках, разнообразных “смесях” агентных и структурных составляющих и организует, конституирует социальные события. Исходный продукт, реальные компоненты, из которых “строится” общество, – это события, т. е. не индивидуальные действия или “социальные факты”, а их тесное, конкретное слияние» [35, с. 271–272]. П. Штомпка утверждает, что в его теории «уровни структуры в состоянии операций и агентов в их действиях не будут ни аналитически разделяться, ни взаимно сводиться друг к другу» [35, с. 271–272], для чего вводит понятие события как смычки первых и вторых. Понимаемые таким образом

события вплетены в единый социальный мир человека, в его «агентно-структурную фабрику». Соответственно, события детства составляют часть этой «фабрики», воспроизводящей социальные отношения [35, с. 272–273].

Направленный интерес к проблематике событий детства пока проявляют немногие отечественные социологи [12; 13]. Взяв за основу рассмотренные выше трактовки события в социологии и опираясь на позиции новой социологии детства [19], сформулируем дефиницию понятия «события детства», которая учитывала бы не только влияние событий взрослого мира на детей, но и субъектность самих детей. Итак, *события детства – это действия или эпизоды жизненного пути в период взросления, которые выделяются по своим последствиям в обществе и жизни отдельного человека и происходят: 1) в силу наличия определенных закономерностей развития социума и личности (влияние социальной среды, социальная программа взросления, социальная политика детства и др.), из-за чего самим ребенком воспринимаются как нечто случайное, независящее от него стечение обстоятельств, и 2) под действием субъективного фактора, когда сам взрослеющий субъект выступает инициатором и катализатором этих действий или эпизодов.* Исходя из этого под *дебютными событиями детства* мы будем понимать выделяемые в общем ходе проживания жизненного пути ситуации, случаи, а также впервые производимые действия самого субъекта, которые характеризуются им самим или его окружением как запомнившиеся, «премьерные».

Далее, рассмотрение совокупности событий детства приводит к необходимости введения в научный оборот прикладной аналитической конструкции «событийность детства», содержание которой составляют сохраняющиеся в памяти события. Иными словами, *событийность детства – это цепочка, последовательность событий детства, которую можно зафиксировать социологическими методами на основе изучения воспоминаний подростков и молодежи в качестве характеристики социализации, смены поколений и социальных изменений, происходящих в обществе.* Данная цепочка фиксируется посредством указания темпоральных координат происходивших дебютов, т. е. когда, в каком конкретном возрасте определенные события случились впервые. Эта конструкция позволяет проводить сравнение поэтапного присвоения социального опыта внутри разных групп детей (выделяемых по полу, месту проживания, принадлежности к разным типам семей разного экономического достатка и пр.), устанавливать межпоколенные различия и осуществлять поиски информативных признаков для выявления благополучия/неблагополучия ювенальной группы [20]. Стоит отметить особо, что в нашем случае речь не идет о событийности детства в контексте выяснения способов воспроизводства индивидуальной биографии посредством определения значимых событий, повлиявших на формирование личности, как это принято, например, в психологии. Социологический смысл понятия «событийность детства» видится нам не в анализе индивидуальных переживаний, а в осмыслении на основе большого массива данных социальных событий детства, маршрутов взросления разных групп детей в различных сферах

и аспектах их жизнедеятельности, специфики социализации как одновременно репродуктивного и интерпретативного процесса, посредством которого воспроизводится социальная структура общества. Примерами таких событий выступают дебютные события, касающиеся самостоятельных передвижений по городу, поездок в детский лагерь, работы за деньги, участия в волонтерском движении и другие. В конечном итоге обсуждение вышеуказанных вопросов может способствовать пониманию того, каким образом осуществляется структурирование самой социальности, устанавливается социальный порядок, как в принципе возможны социальные изменения в обществе и какие трансформации в нем происходят. Спроецировав подход Э. Гидденса на предложенную трактовку событий и событийности детства, мы можем заключить, что события в повседневной жизни конкретных детей конструируют событийность детства в целом, а событийность детства, в свою очередь, оказывается одновременно результатом и средством конструирования повседневной и общественной жизни детей. Таким образом конкретные события в жизни ребенка и событийность детства сливаются воедино, «конституируя» и организуя друг друга.

Теоретические основания социографии событий детства

Событийно-биографический анализ можно рассматривать в качестве теоретико-методологического фундамента эмпирического исследования событий детства. В то же время их изучение невозможно просто схематично вписать в более широкий пул работ, в центре внимания которых находится собственно анализ жизненной траектории [1; 22]. Структурная и аналитическая операционализация может послужить основой для теоретических обобщений в рамках теории среднего уровня [34], именно поэтому так важно определить признаки для вычленения специфических характеристик общего понятия «событие детства». С одной стороны, существуют общие параметры исследования событий, которые проецируются на исследование событий детства: уровень, к которому относится событие; наличие/отсутствие целеполагания в происходящих событиях; сфера жизнедеятельности, в которой происходят события; вектор события; хронологические рамки или временной аспект событий; уровень анализа или абстрагирования в его изучении. С другой – базовым моментом в понимании событий детства выступает уровень субъектности, самостоятельности детей в этих событиях, который по-разному осмысливается при разных методологических подходах, и эта специфика оказывает существенное влияние на интерпретацию событий детства по другим основаниям. Так, структуралистские теории, лежащие в основе «традиционной» социологии детства, игнорируют компетентность детей в качестве участников социальной жизни и исходят из детерминистской трактовки сущности процесса социализации. В отличие от них, «новая» (или современная) социология детства, опирающаяся на субъективистские теории, видит в каждом

ребенке не только пассивного индивида, который усваивает социальность, но и активного субъекта, который вносит свой вклад в ее воспроизводство посредством личного опыта.

Уровень субъектности напрямую зависит от возраста детей и вместе с тем опосредуется конкретной историко-культурной ситуацией, а именно: в каком возрасте и в каких сферах ограничивается, стимулируется, игнорируется и т. п. самостоятельная активная деятельность ребенка. Примеры событий, *сознательно проектируемых* для детей, многообразны: образовательные ступени, организация детских праздников, «культпоходы» в библиотеку и театр, организованный детский туризм и пр. Другая категория событий, оказывающих огромное воздействие на обретение ребенком социальности, – те, что «создаются» *взрослым окружением*, (переезд семьи в иную местность, введение ЕГЭ, развод родителей и другие аналогичные им). Третья категория – *спонтанные* события, происходящие под влиянием исключительно возрастной субкультуры (первые свидания, ночные прогулки с друзьями и т. п.) или инновационных преобразований общества (появление виртуальной дружбы, сетевого обучения, экономическая эмансипации от родителей в практиках потребления).

Сказанное выше объясняет, почему при определении теоретико-методологической рамки исследования событийности детства так важно понимание заданной процессом взросления и управляемой взрослым миром поэтапности прохождения событий. В то же время «новая» социология детства предостерегает от выделения событий современного детства» исключительно на основе значимых с точки зрения взрослых эпизодов, моментов и традиционных ритуалов взросления. Иначе говоря, при включении в изучение того или иного события необходимо не только предварительно изучить поле детства, но и задействовать интуицию, социологическое воображение исследователя. Лишь приняв это, можно переходить к прочим основаниям операционализации понятия «событие детства».

Одно из таких оснований – уровень, к которому относится событие: локальный/глобальный или микро-/мезо-/макро-. Сразу отметим, события на этих уровнях надлежит рассматривать не изолированно, не как отдельные, самостоятельные, параллельные и непересекающиеся «истории», а как условные точки в пространстве-времени, как смычку активностей различных субъектов, обстоятельств и множества других переменных. Такой взгляд позволяет увидеть события и их следы в стереоскопической, локально-глобальной оптике. Последняя предполагает, что отдельные локальные выборы, совершаемые людьми, могут детерминировать глобальные события и, наоборот, глобальные события определяют повседневные локальные выборы людей. Применительно к событиям детства это означает, что события детства, произошедшие на локальном уровне, могут сказываться на глобальном, а события глобальные, в свою очередь, могут отразиться на повседневных практиках детей [23]. По сути, речь идет о социальном векторе, при котором дети становятся соучастниками важных социальных изменений. В этой связи уместно вспомнить о событиях с участием Саманты Смит, Кати Лычевой, Греты Тунберг.

Другой пример – включение в информатизацию детей как «цифровых аборигенов» практически всех стран и регионов, которое изменило само глобальное информационное пространство. Еще один параметр изучения событий – наличие/отсутствие в них целеполагания: проектируются ли они сознательно (как некий «план» реализации тех или иных мероприятий) или же «случаются», происходят спонтанно (как стечение различных обстоятельств).

Сфера жизнедеятельности, в которой происходят события, также выступает основанием, определяющим специфику их исследования. Для семейной сферы преобладающими будут события-праздники и события-происшествия, для сферы образования – события-ритуалы, для субкультурного пространства – события-инициации и ситуации проявления самостоятельности и инициативности на пути к взрослости. Выше уже говорилось о необходимости разделять события детства на условно «традиционные» и «новые» (как для общества, так и для самой ювенальной группы). Среди «новых» событий, возникших за последние 30 лет, стоит особо выделить: 1) медиализацию детства, проявляющуюся в росте медицинского вмешательства в повседневную жизнь детей и расширении номенклатуры детских заболеваний (например, за счет заболеваний, связанных с проблемами социального вхождения в жизнь, – СДВГ и РАС¹), 2) гламуризацию раннего детства, 3) драматизацию подросткового возраста, 4) детские мобильности, 5) цифровизацию образования и др.

Важнейшей характеристикой событий детства является наличие у них последствий как в процессе взросления (когда одно событие становится ступенькой к освоению другого), так и для будущей взрослой жизни (в качестве освоения стабильной компетенции успешной социализации).

Отдельным вектором анализа событий, связанным с оценкой их влияния на ситуационное или будущее состояние, стоит признать выделение среди них неблагоприятных и благоприятных, позитивных. На сегодняшний день в научной литературе применительно к детству больше внимания уделяется именно неблагоприятным событиям: социальным девиациям и связанным с ними проблемам в социализации (прогулы школы, азартные игры, попрошайничество и др.), физическому насилию, эмоциональным травмам, возникающим в результате социального взаимодействия, – буллингу, конфликтам с родителями [15; 38; 40]. Позитивные события детства, вызывающие эмоционально положительные реакции, напротив, привлекают исследователей заметно реже. Недостаточно, на наш взгляд, изучаются ранняя профориентация, яркие культурные мероприятия, социализирующие игры и поездки, встречи со значимыми персонами, участие в детском движении и т. п. – т. е. все то, что дает новые впечатления и обеспечивает социальные условия для успешного взросления [18; 30]. В то же время акцент на позитивных событиях необходим для формирования у подрастающего поколения социально значимых навыков и качеств,

¹ СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности; РАС – расстройство аутистического спектра.

повышения его социальной адаптивности к меняющимся обстоятельствам жизни, снижения негативных проявлений социализации и создания благоприятных условий для вхождения во взрослую социальную среду.

Хронологические рамки событий или временная перспектива также могут выступать основанием исследования событий. В соответствии с ними вычлняются события прошедшие, длящиеся «в моменте» или возможные в будущем. Например, в проведенном нами исследовании события детства изучались в биографической перспективе с тем, чтобы понять, как происходившее в детстве повлияло на будущую жизнь человека и общества в целом. Социальные условия взросления детей из разных социальных слоев, обусловленные социальной стратификацией, возможностями социальной мобильности, жизненными шансами и наличным объемом ресурсов, пусть и опосредованно, через доступ к соответствующим социальным институтам (образование, медицина, медиа и другие), работают на формирование мировоззрения, установок, диспозиций, которые в дальнейшем могут оказать важное влияние на социальные процессы, в которые эти люди вовлечены. С наибольшей очевидностью значимость первичной социализации проявляется в отношении тех персон, кто приобрел известность или достиг высоких социальных позиций и в силу своего положения оказывает влияние на происходящее в мире, причем независимо от того, рефлексировался ими самими или нет их детский опыт, социальные условия, в которых они росли, и в целом «дух времени» их детства.

События возможного будущего пока редко становятся предметом изучения [24]. Одной из лакун социального знания являются реперные, поворотные события в детской биографии. Они не анализируются детьми в их возрасте. Лишь некоторые стандартизированные события выделяются в связи с проекцией на будущее и выстраиванием целей для самореализации [39].

Еще одно основание – это «высота отлета» от изучаемого события, помещение его в определенный, широкий или узкий, контекст. Данное основание можно трактовать как промежуток времени, через который произошло осознание события, оставшегося в памяти и, возможно, неким образом повлиявшего на общую жизненную траекторию человека, или, если рассуждать в более общем виде, как степень абстрактности рассмотрения события, позволяющую выделить его наиболее характерные черты или же сконцентрироваться на конкретных формах проявления. Это основание тесно связано с вышеупомянутой временной перспективой, но не тождественно ей. Изучение событий детства у молодежи только что переступившей границу взрослости и у зрелых людей, бывших детьми несколько десятилетий назад, предполагает разные подходы к выстраиванию рамки исследования. По наблюдениям психологов, максимально разнообразные и насыщенные воспоминания о детстве дает группа 17–19-летних [29], тогда как среди ответов взрослых велика доля социально желательных [31].

Судя по имеющемуся работам, методологическую основу большинства современных исследований детства составляют структуралистские (объективистские) подходы. Данный тезис косвенно подтверждается

результатами исследования А. Г. Филиповой, обнаружившей, что 82,2% исследований детства, представленных в журнале «Социологические исследования», выполнены с применением анкетирования [33, с. 74]. На больших выборках в основном изучаются вопросы, связанные с актуальным поведением детей, влиянием на них агентов и институтов социализации, становлением их сознания [4]. Однако, как было установлено нами ранее, значение и характеристики большинства событий детства концептуализируются не сразу, а лишь в будущих нарративах и после подтверждения их последствий в социальной реальности. Именно это делает субъективистскую качественную методологию и соответствующие ей методы более подходящими для изучения событийности детства.

На сегодняшний день имеются плодотворные попытки сосредоточиться на анализе как общих биографических событий детства, характерных для многих людей определенного поколения, так и конкретных форм их проявления в жизни отдельного ребенка [3]. Так, ориентиры общего гайда интервью ретроспективного анализа воспоминаний молодых людей поколения Y – «миллениалов» («Мои первые воспоминания о детстве», «Про счастье/радость», «Про грусть/обиду/печаль», «Про конфликт», «Про семью», «Про друзей») позволили выявить значимость для определенной когорты взаимодействия со старшим поколением бабушек/дедушек.

Событийность детства, предстающую и в качестве социальной конструкции, и в качестве конкретных событий в повседневной жизни детей, можно также рассматривать и со структуралистско-конструктивистской позиции, как называет ее В. И. Ильин [14, с. 18–19]. В этом случае интегративный характер тех или иных теорий может быть реализован через стратегию смешения методов при совместном использовании репрезентативных и целевых выборок [6]. Однако, если в социологических исследованиях детей эта стратегия уже начала применяться, то в отношении изучения событийности детства она пока только ждет своего часа.

Выводы и перспективы исследования

Итак, проведенный анализ подходов к пониманию понятия «событие детства» показал, что оно носит комплексный характер, поскольку в детско-юношеский период своей жизни человек сталкивается и с традиционными, нормативными ситуациями освоения социального пространства, и со случайными, спонтанными действиями, связанными с изменениями социума и влияющими на процесс социализации. Вслед за В. И. Ильиным, нами были обозначены три теоретико-методологических подхода к социологическому изучению событий и событийности детства: 1) структуралистский, 2) субъективистский, и 3) структуралистско-конструктивистский, или деятельностно-конструктивистский. Также нами были выделены наиболее значимые основания операционализации понятия «событие детства»: уровень субъектности, самостоятельности детей в проживаемых ими

событиях; уровень события; наличие/отсутствие целеполагания самого ребенка в происходящих событиях; принадлежность события к сферам жизнедеятельности ребенка; вектор влияния события на детскую и/или последующую взрослую биографию; хронологические рамки, или временной аспект, событий; уровень анализа, или «высота отлета», в изучении события.

В статье показано, как с позиции разных теоретико-методологических подходов могут быть проанализированы события детства и какие вариации конкретных социологических исследований на уровне социологии уже применяются. Выбранная теоретико-методологическая рамка одновременно и облегчает, и усложняет анализ события. Взятая за основу, она, с одной стороны, направляет исследовательский поиск, задает ход движения мысли и действия, а с другой – устанавливает определенные границы интерпретации детского и взрослого опытов, в которые полученные эмпирические данные далеко не всегда вписываются. Последнее объясняется спецификой развития самих теоретико-методологических подходов, или парадигм, которое всегда запаздывает по сравнению с изменением социальной реальности, включая реальность детства. Так, скажем, события современного детства, связанные с возникшим сравнительно недавно феноменом цифровизации, сложно в полной мере описать и объяснить средствами классической методологии анализа, сформировавшейся еще в доцифровую эпоху. Это не значит, что от устоявшейся методологии следует отказаться, но осознавать и учитывать пределы ее познавательных и объяснительных возможностей необходимо.

Несмотря на имеющиеся ограничения структуралистской парадигмы в целом и структурно-функционального подхода в частности, изучение событий детства с этих позиций все же возможно, поскольку они обеспечивают объективное отражение социальной реальности в сознании исследователя и тем самым позволяют анализировать события в более широкой перспективе, а также повторять замеры в мониторинговом режиме с последующим использованием полученных результатов при разработке государственной политики поддержки детства и формулировании рекомендации для специалистов различных областей. Пример тому – реализованный в 2018–2023 гг. ИК РОС «Социология детства» проект по событийности детства. В рамках него с временным лагом в 5 лет молодым людям 17–23 лет предлагалось отметить дебютный возраст наступления конкретных событий в их жизни. При разработке инструментария за возраст, с которого ведется отсчет наступления того или иного события, были взяты 3 года¹, а за возраст окончания детства – 18 лет. Опрос проводился методом онлайн-анкетирования – наиболее эффективного в плане доступа к представителям поколения «цифрового детства». Изучались события, связанные с бытовыми, телесными, финансовыми, цифровыми, девиантными и другими практиками. Их предварительный отбор производился на основе: 1) контент-анализа событийно-биографических исследований последних

¹ По данным детской психологии, начиная именно с трехлетнего возраста у большинства людей сохраняются обрывки воспоминаний.

лет; 2) фокус-групп с информантами в возрасте официального «выхода из детства». Всего было выделено 77 таких событий для опроса 2018 г. и 100 – опроса 2023 г. Проведенный затем многомерный анализ собранных данных позволил выявить не только распространенность самих событий среди детей, но также их корреляцию с основными социально-демографическими и экономическими характеристиками семей, гендерные и региональные различия, особенности событийности детства, обусловленные уровнем здоровья детей, степенью их включенности в социальные активности и пр. На основе полученных результатов были выдвинуты рекомендации, важные для выстраивания социальной политики в интересах детей [11].

Вместе с тем наиболее перспективным в плане изучения событийности детства мы считаем структуралистско-конструктивистский, по сути интегративный, подход, так как он, сочетая в себе достоинства качественной и количественной методологий, дает возможность учесть все разнообразие событий детства. Недостатком данного подхода является сложность его реализации на практике в силу требуемых затрат и компетенций (получения информированного согласия родителей, решения этических вопросов работы с детьми и т. п.).

Обращение к понятиям «событие жизни» и «событийность» важно не только для развития социологии детства, но и всей социологической теории в целом. Представленное в настоящей статье направление осмысления событийности детства видится нам достаточно перспективным в силу его открытости анализу новых и потенциальных событий, а также содержащиеся в нем указания на возможные ракурсы в осмыслении социальных перемен. Предложенное методологическое обоснование задает векторы дальнейших разработок в области социологии жизни, социологии семьи, возраста, повседневности. Введение в научный оборот понятия «событие детства» и ее эмпирическое наполнение делают возможным выход на новые теоретические интерпретации *социального поколения – социальной группы с единой коллективной памятью наступления, проживания и результативности событий детства, где в равной степени становятся важными как сконструированные обществом события-ритуалы, так и поступки, свершения, эпизоды обретения самостоятельности в социуме*. Мониторинговые исследования событийности дают новые основания для корректировки представлений об успешной/неуспешной социализации молодого поколения, например, при сравнении масштабов и сроков освоения практик самостоятельности и помощи семье, просоциальной активности, профессиональной ориентации, экономической самостоятельности или включения в девиации.

Востребованность инструмента по изучению событий и событийности детства для понимания социальных явлений и процессов, на наш взгляд, очевидна. Этот инструмент позволяет, во-первых, замечать возраст дебютов событий и последовательности событий детства, их превращения из событий индивидуальной биографии в масштабные социальные практики поколений, а во-вторых, осмысливать устройство социальной реальности, ее сегментированность и дифференцированность.

Библиографический список

1. Андрееенкова А. В., Медведева А. А. Динамика событийной структуры жизненного пути в России // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 3. С. 189–209. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.11; EDN: KQHANM.
2. Безрогов В. Г., Кошелева О. Е. и др. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. Учебно-методическое пособие. М.: Университет РАО, 2001. 190 с.
3. Бессчетнова О. В., Майорова-Щеглова С. Н. «Собственно с ними я и выросла...» взаимоотношения поколений через призму ретроспективных воспоминаний современной молодежи о детстве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 24(4). С. 110–137. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.4.5; EDN: CSQOQJ.
4. Бесчасная А. А. Детство и родительство в исследованиях ВЦИОМ // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки. 2021. № 3(63). С. 58–61. DOI: 10.52452/18115942_2021_3_58; EDN: BECBQY.
5. Борисова О., Залеская А. Событие как единица детского времени // Обруч. Образование: ребенок и ученик. 2014. № 6. С. 35–37.
6. Вандышева Л. В., Васькина Ю. В. и др. Стратегия смешивания методов в исследовании идентичностей и практик консолидации современной молодежи // Семиотические исследования. 2023. Т. 3. № 4. С. 81–89. DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-81-89.
7. Галимзянова М. В., Романова Е. В. Эмоциональные переживания, связанные с событиями детства и партнерскими отношениями // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 1. С. 209–216.
8. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюрина. 2-е изд. М.: Академ. проект, 2005. 528 с.
9. Головашина О. В. Социальное событие как способ измерения времени // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2019. Т. 3. № 4. С. 1269–1295. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-4-6; EDN: TWZLBX.
10. Гончарова С. С. Совладание с негативными событиями жизненного пути у воспитанников детских интернатных учреждений // Наука в современном обществе. Ставрополь: Логос, 2014. С. 25–28.
11. Губанова А. Ю., Колосова Е. А. и др. Социологическое исследование событийности детства: доказательный подход в проектировании программ для детей и молодежи // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 72–83. DOI: 10.22394/1726-1139-2025-1-72-83; EDN: GHDFUG.
12. Ерицян К. Ю., Одиноква В. А., Русакова М. М. Ситуационные факторы совершения сексуального насилия над детьми // Психология и право. 2023. Т. 13. № 3. С. 44–55. DOI: 10.17759/psylaw.2023130304; EDN: ETUBLM.

13. Жупник О. Н. Социальные последствия расторжения брака // Вестник ЧелГУ. 2025. № 1(495). С. 72–80. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-495-1-72-80; EDN: HVDJAK.
14. Ильин В. И. Социальное неравенство. М.: ИС РАН, 2000. 280 с.
15. Исследование распространенности неблагоприятных событий детства среди молодых людей в Российской Федерации. Доклад. URL: https://psychiatr.ru/download/1996?view=1&name=ВОЗ_Доклад+О+неблагоприятных+событиях+детства.pdf (дата обращения: 10.07.2025).
16. Клементьева М. В. Структурно-функциональная модель представления о событии жизни // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Тула: ТулГУ, 2010. С. 294–303.
17. Климович Л. В. Революция 1917 года на страницах сочинений детей-эмигрантов // Человек и общество в условиях войн и революций. Вып. 3 / Под ред. Е. Ю. Семеновой. Самара: СГТУ, 2016. С. 50–53.
18. Колесникова Е. М. Профориентация в школе как фактор социальной стратификации: новые практики в российской системе образования // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 3. С. 197–214. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.9; EDN: JKIEKC.
19. Колосова Е. А., Майорова-Щеглова С. Н., Митрофанова С. Ю. Новая социология детства // Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус. Тематический словарь-справочник / Отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2018. С. 18–23.
20. Кученкова А. В., Майорова-Щеглова С. Н. Счастливое детство: поиск информативной системы признаков сквозь призму событийности // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 3. С. 125–149. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.6; EDN: OONHMX.
21. Логинова Н. А. Психобиографический метод исследований и коррекции личности: Уч. пос. Алматы: Казак университеті, 2001. 172 с.
22. Митрофанова Е. С. (Не)время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 4. С. 36–61. EDN: MLTYVU.
23. Митрофанова С. Ю. Тенденция глокализации детства // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK121.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).
24. Митрофанова С. Ю. «Я – взрослый/Я – взрослая»: представления третьеклассников о собственном будущем // Вестник СГУ. 2013. № 2(103). С. 10–21.
25. Молевич Е. Ф. Общая социология: Курс лекций. М.: Едиториал УРСС, 2018. 326 с.
26. Нартова-Бочавер С. К., Ходаковская Э. Н., Юрчук В. Ю. Ситуационно-событийный подход к пониманию психологического благополучия/неблагополучия студенческой молодежи // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 4. С. 41–50. DOI: 10.17759/jmfp.2024130404.

27. Падун М. А. Комплексное ПТСР: особенности психотерапии последствий пролонгированной травматизации // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. № 3. С. 69–87. DOI: 10.17759/spp.2021290306; EDN: MGMHRU.

28. Пристансков В. Д. Событие преступления как объект криминалистического познания // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. № 1. С. 78–90. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2018.106; EDN: YTYBII.

29. Ситнянская Э. Гендерная специфика ранних воспоминаний у лиц молодого возраста // Психологические исследования. 2024. Т. 16. № 92. С. 6. URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/1494/1005> DOI: 10.54359/ps.v16i92.1494 (дата обращения: 10.07.2025).

30. Слободчиков В. И. Событийная образовательная общность – источник развития и субъект образования // Новые ценности образования. 2010. Т. 43. № 1. С. 4–13. EDN: MBDBYX.

31. Сулим О. С. Психология личности: концептуально-методические проблемы исследования самоопределяющих воспоминаний // Ученые записки ИП РАН. 2025. Т. 5. № 1(14). С. 14–24. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_01_03.

32. Филиппов А. Ф. К теории социальных событий // Логос. 2004. № 5(44). С. 3–28. EDN: XHSOGL.

33. Филипова А. Г. Российская социология детства: вчера, сегодня, завтра. Проблемы институционализации и перспективы развития. СПб.: Астерион, 2016. 196 с.

34. Черныш М. Ф. Категоризация как одна из форм теоретизирования в социологии // Социологический журнал. 2025. Т. 31. № 2. С. 9–28. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.1; EDN: LOMVS.

35. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

36. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2001. 596 с.

37. Archer M. S. Culture and agency: The place of culture in social theory: revisited edition. Cambridge: Cambridge University press, 2004. 351 p.

38. Casas F., Fr nes I. From snapshots to complex continuity: Making sense of the multifaceted concept of child well-being // Childhood. 2020. No. 27(2). P. 188–202. DOI: 10.1177/0907568219895809.

39. Dunlop W. L., Guo J., McAdams D. P. The autobiographical author through time: Examining the degree of stability and change in redemptive and contaminated personal narratives // Social Psychological and Personality Science. 2016. No. 7(5). P. 428–436.

40. Eiermann M., Dfker G., Wilderman C. J. Discordant patterns and adulthood consequences of childhood maltreatment and foster care placement // Social Forces. 2025. No. 92(3). P. 873–898. DOI: 10.1093/sf/soaf077/

41. *Events Management: An International Approach* / Ed. by N. Ferdinand, P. J. Kitchin. 3rd ed. UK: Oxford Brookes University, Sage, 2021. 376 p.

42. *Event Power: How Global Events Manage and Manipulate* / Ed. by C. Rojek. UK: University of London, SAGE Publications Ltd, 2013. 216 p.

43. *Event History Analysis* / Ed. by L. L. Wu. USA: University of Wisconsin – Madison; SAGE Benchmarks in Social Research Methods, 2011. 1656 p.

44. *Event History and Survival Analysis* / Ed. by P. D. Allison. 2nd ed. USA: University of Pennsylvania, University of Pennsylvania, Sage, 2014. Vol. 46. 112 p.

45. *Social Cognition: Understanding People and Events* / Ed. by D. L. Hamilton, S. J. Stroessner. USA: Sage, 2020. 672 p.

46. Vázquez R. Thinking the Event with Hannah Arendt // *European Journal of Social Theory*. 2006. Vol. 9. Iss. 1. P. 43–57. DOI: 10.1177/1368431006060462.

Получено редакцией: 9.07.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью

Митрофанова Светлана Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, доцент кафедры социологии политических и региональных процессов

DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.3

Childhood Events: Theoretical and Methodological Foundations of Sociological Study

Svetlana N. Majorova-Shcheglova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

shcheglova-s@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4935-9148

Svetlana Yu. Mitrofanova

Samara National Research University, Samara, Russia

mit_s@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9571-9883

For citation: Majorova-Shcheglova S. N., Mitrofanova S. Yu. Childhood events: theoretical and methodological foundations for a sociological study. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No 1. P. 37–59. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.3; EDN: SMVHGS.

Abstract. This study argues for identifying the category of “event” in sociological science and distinguishes this concept from other related ones: social fact, action, process, and social time. The specificity of the event as a unit of analysis is described in terms of the disciplinary boundaries of philosophy, social history, cognitive and clinical psychology, criminology, and other fields.

The characteristics of theoretical and methodological approaches to studying childhood events are defined, and a definition is proposed: a set of actions of the social environment, strategies of growing up, and initiative episodes in the child's own life course. The sequence of events, which the authors term "eventfulness," is important as an analytical construct for assessing socialization processes in specific social groups and providing evidence of generational changes and societal transformations overall. Based on the thesis held by contemporary theorists of science that operationalization is an important part of theorizing, the foundations for analyzing a childhood event are identified: the level of the event; the presence of goal-setting; the sphere of life; the vector of the event; the temporal aspect; and the "altitude of departure," [or another term] among others. Arguments are presented for recognizing the most important of these as: the degree of agency and autonomy of children and the presence of demonstrated profound consequences for adult life.

At the level of sociological methodology, the positions of V. I. Ilyin on distinguishing three theoretical and methodological foundations (structuralist, subjectivist, and activity-constructivist) are used. Cases of research practices are outlined, focusing on understanding what methodology, what methods, and what sample are used to study which childhood events. To substantiate some of the propositions developed in the article, the authors refer to data that demonstrate the importance of a mixed-methods strategy in researching childhood events and eventfulness. It is precisely the intersection of quantitative and qualitative approaches that is a priority in childhood research, as it allows for the inclusion of the entire "palette" of diverse stable practices in the analysis and the capturing of new phenomena in Russian childhood.

It is concluded that the concept of childhood events and eventfulness can become valuable for studying and achieving a deeper understanding of social phenomena and processes, the structure of social reality, and its segmentation and differentiation.

Keywords: event, childhood, methodology, sociology of childhood, eventfulness, generation, life path, biographical analysis, strategy mixing method

References

1. Andreenkova A. V., Medvedeva A. A. Dynamics of the event structure of the life course in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*, 2024: 15: 3: 189–209 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.11; EDN: KQHANM.
2. Bezrogov V. G., Kosheleva O. E. et al. *Pedagogicheskaja antropologija: fenomen detstva v vospominaniyah. Uchebno-metodicheskoe posobie. [Pedagogical Anthropology: The Phenomenon of Childhood in Memoirs. Educational and Methodological Guide].* Moscow, Universitet RAO, 2001: 190 (in Russ.).
3. Besschetnova O., Mayorova-Shcheglova S. "I actually grew up with them...": intergenerational relationships through the prism of retrospective recollections of childhood by today's youth. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2021: 24(4): 110–137 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2021.24.4.5; EDN: CSQOQJ.
4. Beschasnaja A. A. Childhood and Parenthood in the Research of Wciom. *Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo. Socialnye nauki*, 2021: 3(63): 58–61 (in Russ.). DOI: 10.52452/18115942_2021_3_58; EDN: BECBQY.
5. Borisova O., Zaleskaja A. Sobytie kak edinica detskogo vremeni [An event as a unit of children's time]. *Obruch. Obrazovanie: rebenok i uchenik*, 2014: 6: 35–37 (in Russ.).
6. Vandysheva L. V., Vaskina Yu. V. et al. The strategy of mixing methods in the study of identities and practices of the modern youth consolidation. *Semioticheskie issledovanija*, 2023: 3(4): 81–89 (in Russ.). DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-81-89.
7. Galimzjanova M. V., Romanova E. V. Jemocional'nye perezhivanija, svjazannye s sobytijami detstva i partnerskimi otnoshenijami [Emotional experiences related to childhood events and partnerships]. *Vestnik SPbGU. Ser. 12. Psihologija. Sociologija. Pedagogika*, 2011: 1: 209–216 (in Russ.).
8. Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Transl. from Eng. by I. Tyurin. 2nd ed. Moscow, Akadem. proekt, 2005: 528 (in Russ.).
9. Golovashina O. Social Event as a Way of Measuring Time. *Historia Provinciae – Zhurnal regionalnoi istorii*, 2019: 3: 4: 1269–1295 (in Russ.). DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-4-6; EDN: TWZLBX.
10. Goncharova S. S. Coping with Negative Life Events in Children from Residential Institutions. In *Science in Modern Society: Proceedings of the 6th Scientific Conference*. Stavropol': Logos, 2014: 25–28 (in Russ.).

11. Gubanova A. et al. The Sociological Study of the Eventfulness of Childhood: an Evidence-Based Design of Programs for Children and Youth. *Upravlencheskoe konsultirovanie*, 2025: 1: 72–83 (in Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2025-1-72-83; EDN: GHDFUG.
12. Eritsyun K. Yu., Odinkova V. A., Rusakova M. M. Situational Factors of Child Sexual Abuse. *Psikhologiya i pravo*, 2023: 13: 3: 44–55 (in Russ.). DOI: 10.17759/psylaw.2023130304; EDN: ETUBLM.
13. Zhupnik O. N. Social consequences of divorce. *Vestnik ChelGU*, 2025: 1(495): 72–80. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-495-1-72-80; EDN: HVDJAK.
14. Il'in V. I. *Socialnoe neravenstvo [Social inequality]*. Moscow, IS RAN, 2000: 280 (in Russ.).
15. Issledovanie rasprostranennosti neblagopriyatnyh sobytij detstva sredi molodyh ljudej v Rossijskoj Federacii. Doklad [Study of the prevalence of adverse childhood events among young people in the Russian Federation. Report]. Accessed 10.07.2025. URL: https://psichiatr.ru/download/1996?view=1&name=ВОЗ_Доклад+О+неблагоприятных+событиях+детства.pdf (in Russ.).
16. Klementyeva M. B. Structural and Functional Model of the Concept of Life Event. *Izvestiya TulGU. Humanities*. Tula: TulGU, 2010: 294–303 (in Russ.).
17. Klimovich L. V. The Revolution of 1917 on the pages of the writings of emigrant children. In *Man and society in conditions of wars and revolutions: proceedings of the III All-Russian Scientific Conference*. Iss. 3. Ed. by E. Yu. Semenova. Samara: SamGTU, 2016: 50–53 (in Russ.).
18. Kolesnikova E. M. Vocational Guidance in Schools as a Factor of Social Stratification: New Practices in the Russian Education System. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14: 3: 197–214 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.9; EDN: JKIEKC.
19. Kolosova E. A., Mayorova-Shcheglova S. N., Mitrofanova S. Yu. New Sociology of Childhood. In *Childhood of the 21st Century: Socio-Humanitarian Thesaurus: Thematic Reference Dictionary*. Ed. by S. N. Mayorova-Shcheglova. Moscow, ROS, 2018: 18–23 (in Russ.).
20. Kuchenkova A. V., Mayorova-Shcheglova S. N. Happy childhood: the search for an informative system of characteristics through the prism of eventfulness. *Sociologicheskaja nauka i socialnaja praktika*, 2024: 12(3): 125–149 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.6; EDN: OONHMX.
21. Loginova N. A. *Psihobiograficheskiy metod issledovanij i korekcii lichnosti: Uchebnoe posobie [Psychobiographical Method of Research and Personality Correction: A Tutorial]*. Almaty, Kazak universiteti, 2001: 172 (in Russ.).
22. Mitrofanova E. S. (No)time to grow up: changing ages of debut biographical events in Russia. *Demograficheskoe obozrenie*, 2020: 7(4): 36–61 (in Russ.). EDN: MLTYVU.
23. Mitrofanova S. Yu. The trend of childhood glocalization. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya*, 2021: 1(12) (in Russ.). Accessed 10.07.2025. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK121.pdf>
24. Mitrofanova S. Yu. «I'M adult»: ideas of third graders about their own future of children. *Vestnik SamGU*, 2013: 2(103): 10–21(in Russ.).
25. Molevich E. F. *General sociology: a course of lectures*. Moscow, Editorial URSS, 2018: 326 (in Russ.).
26. Nartova-Bochaver S. K., Khodakovskaya E. N., Yurchuk V. Yu. A Situational-Event Approach to Understanding the Psychological Well/Ill-Being of University Students. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2024: 13(4): 41–50 (in Russ.). DOI: 10.17759/jmfp.2024130404.
27. Padun M. A. Complex PTSD: psychotherapy of prolonged traumatization. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2021: 29: 3: 69–87 (in Russ.). DOI: 10.17759/cpp.2021290306abstr; EDN: MGMHRU.
28. Pristanskov V. D. The event of crime as object of criminalistic knowledge. *Vestnik SPbGU. Pravo*, 2018: 9: 1: 78–90 (in Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu14.2018.106; EDN: YTYBII.
29. Sitnyanskaya E. A. Gender specificity of early memories in young adults. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2023: 16(92): 6 (in Russ.). Accessed 10.07.2025. URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/1494/1005>. DOI: 10.54359/ps.v16i92.1494.
30. Slobodchikov V. I. Social educational community – a source of development and a subject of education. *Novye cennosti obrazovaniya*, 2010: 43(1): 4–13 (in Russ.). EDN: MBDBYX.
31. Sulim O. S. Psychology of personality: conceptual and methodological problems of self-determining memories study. *Uchenye zapiski IP RAN*, 2025: 5: 1(14): 14–24 (in Russ.). DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_01_03.

32. Filippov A. F. K teorii social'nyh sobytij [Towards a Theory of Social Events]. *Logos*, 2004: 5(44): 3–28 (in Russ.). EDN: XHSOGL.
33. Filippova A. G. Russian Sociology of Childhood: Yesterday, Today and Tomorrow. Problems of Institutionalization and Development Prospects. St. Petersburg, Asterion. 2016: 196 (in Russ.).
34. Chernysh M. F. Categorization as a Form of Theorizing in Sociology. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2025: 31(2): 9–28 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.1; EDN: LOMVS.
35. Sztompka P. Sociology of Social Change. Transl. from Eng., ed. by V. A. Yadov. Moscow, Aspect Press, 1996: 416 (in Russ.).
36. Yadov V. A. Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya. Opisanie, ob'yasnenie, ponimanie sotsialnoi realnosti [Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality]. Moscow, Dobrosvet. 2001: 596 (in Russ.).
37. Archer M. S. Culture and agency: The place of culture in social theory: revisited edition. Cambridge, Cambridge univ. press, 2004: 351.
38. Casas F., Frønes I. From snapshots to complex continuity: Making sense of the multifaceted concept of child well-being. *Childhood*, 2020: 27(2): 188–202. DOI: 10.1177/0907568219895809.
39. Dunlop W. L., Guo J., McAdams D. P. The autobiographical author through time: Examining the degree of stability and change in redemptive and contaminated personal narratives. *Social Psychological and Personality Science*, 2016: 7: 5: 428–436.
40. Eiermann M., Dfker G., Wilderman C. J. Discordant patterns and adulthood consequences of childhood maltreatment and foster care placement. *Social Forces*, 2025: 92(3): 873–898. DOI: 10.1093/sf/soaf077.
41. Events Management: An International Approach. Ed. by N. Ferdinand, P. J. Kitchin. 3rd ed. UK, Oxford Brookes University, Sage, 2021: 376.
42. Event Power: How Global Events Manage and Manipulate. Ed. by C. Rojek. UK, University of London, Sage, 2013: 216.
43. Event History Analysis. Ed. by L. L. Wu. USA, University of Wisconsin – Madison, Sage Benchmarks in Social Research Methods, 2011: 1656.
44. Event History and Survival Analysis. Ed. by P. D. Allison. Second Edition. USA, University of Pennsylvania, University of Pennsylvania, Sage, 2014: 46: 112.
45. Social Cognition: Understanding People and Events. Ed. by D. L. Hamilton, S. J. Stroessner. USA, Sage, 2020: 672.
46. Vázquez R. Thinking the Event with Hannah Arendt. *European Journal of Social Theory*, 2006: 9(1): 43–57. DOI: 10.1177/1368431006060462.

The article was submitted on: July 9, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana N. Majorova-Shcheglova, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Social Communication and Organization of Work with Youth

Svetlana Yu. Mitrofanova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Sociology of Political and Regional Processes